

Элли Ван Хаутен

Эпоха Соло

или

Всё Включено,
Кроме **Любви.**

Эпизод
Двенадцатый
Книга-Сериал

Элли Хаутен
Эпоха Соло или Всё
Включено, Кроме Любви.
Эпизод Двенадцатый

*<https://litres.ru/74190897>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Эпоха Соло или Всё включено, Кроме Любви — это книга-сериал. Четыре подруги. Четыре истории. И один большой город.

Кейт, Моника, Симона и Шейла встречаются каждый четверг в маленькой кофейне с красной дверью, чтобы обменяться новостями, вином и правдой, которую больше некому сказать. Кейт пишет книгу об эпохе одиночества и боится, что сама станет её главным подтверждением. Моника считает годы вместо цифр в отчётах, ожидая, когда партнёр наконец решится. Симона гордо называет себя королевой соло-максинга, но вечерами разговаривает не с людьми, а с искусственным интеллектом. Шейла верит в любовь сильнее, чем в собственный опыт, и снова обжигается.

Каждый эпизод — отдельная история, но все четыре линии переплетаются в один большой сезон о том, каково любить,

бояться и оставаться собой в городе, где легче найти доставку в три часа ночи, чем человека, который останется до утра.

Книга-сериал, выходящая эпизодами — как жизнь, где каждый четверг что-то меняется.

Эпизод 12. Финал 1 сезона

Содержание

Эпизод Двенадцатый	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Элли Ван Хаутен

Эпоха Соло или Всё

Включено, Кроме Любви.

Эпизод Двенадцатый

Эпизод Двенадцатый

Декабрь обрушивается на Лондон с той внезапной, почти агрессивной праздничностью, с которой обычно обрушивается на человека родственник, не видевшийся год и решивший компенсировать всё упущенное общение за один вечер: гирлянды появляются на Аппер-стрит в одну ночь, будто город договорился с электриками о коллективном заговоре, витрины магазинов взрываются искусственным снегом и красным бархатом, а из каждой открытой двери — кофейни, паба, даже прачечной на углу — доносится один и тот же неизбежный саундтрек праздника, который к середине месяца начинает звучать не столько радостно, сколько как акустическая версия стокгольмского синдрома.

Моя собственная жизнь в начале декабря выглядит как черновик, наконец приближающийся к финальной главе, —

в буквальном смысле: документ «Черновик — не открывать», переименованный ещё в октябре в куда более уверенное «Эпоха одиночества — рукопись», разросся за прошедший год до трёхсот с лишним страниц, и я, перечитывая написанное поздно вечером с той смесью гордости и ужаса, которая сопровождает любого автора на финишной прямой, понимаю, что мне не хватает последней главы — не структурно, а по-настоящему: я ещё не знаю, чем заканчивается моя собственная история, а книга про одиночество, лишённая честного финала автора, рискует остаться просто списком чужих драм без единого личного вывода.

Дэниел, если вам интересно моё эмоциональное состояние на данный конкретный момент декабря, продолжает существовать в том же режиме тёплой, необязательной неопределённости, что и последние два месяца: сообщения приходят реже, чем раньше, но регулярно достаточно, чтобы я не могла с чистой совестью считать эту историю закрытой, — открытки, метафоры про архитектуру, редкие голосовые сообщения про копенгагенскую погоду, — и ни одного прямого ответа на вопрос, который я задала ещё в конце октября и который, кажется, растворился где-то в почтовом эфире между нашими часовыми поясами, как будто никогда не был задан вовсе.

I

Четверг, второе воскресенье адвента, «Красный свет». Марко превзошёл самого себя: кофейня украшена таким

количеством гирлянд, что световая нагрузка на здание, по моим прикидкам, сопоставима с небольшим стадионом, а на входе установлена искусственная ель, настолько плотно обвешанная игрушками, что напоминает скорее баррикаду, чем символ праздника.

— Дамы, — объявляет он, встречая нас в свитере с оленем, чей нос, отдельно подключённый к батарейке, мигает красным с той настойчивостью, которая через пять минут разговора начинает казаться скорее тревожным сигналом, чем украшением. — Рождество официально наступило в моей кофейне за три недели до календаря, потому что я слишком нетерпелив, чтобы ждать положенный срок, как приличный человек.

— Твой олень мигает в опасном ритме, — замечает Симона, садясь и внимательно разглядывая свитер с той аналитической тщательностью, с которой обычно проверяет чужой код на баги. — Это может спровоцировать приступ эпилепсии, Марко.

— Это может спровоцировать только приступ праздничного настроения, — отвечает он с достоинством, разливая по бокалам глинтвейн новой, ещё более экспериментальной рецептуры. — Итак. У меня для вас важный вопрос повестки дня: кто в этом году организует Рождество для нашей маленькой развалившейся, но всё ещё удивительно живучей семьи?

— Я, — говорит Шейла с той гордостью человека, впер-

вые в жизни вызвавшего на роль, требующую реальной ответственности. — У меня в этом году будет полноценное Рождество. С елью, с гирляндами, с настоящей индейкой, которую я, признаюсь, никогда прежде не готовила, но у меня есть видео и упрямство, которое, надеюсь, компенсирует отсутствие опыта.

— Это волнующе и слегка пугающе одновременно, — говорю я честно. — Твоя квартира готова принять четырёх взрослых женщин и потенциальную индюшачью катастрофу?

— Моя квартира готовится к этому уже неделю, — говорит Шейла с той решимостью, за которой явно скрывается некоторое количество страха перед предстоящей задачей. — Приходите двадцать пятого к четырём. Раньше — на свой страх и риск, я ещё не уверена, во сколько закончу борьбу с гирляндами.

Моника, сидящая необычно тихо для человека, обычно активно участвующего в подобных обсуждениях, размешивает глинтвейн ложкой с той механической медлительностью, которая у неё неизменно выдаёт мысли, находящиеся значительно дальше от текущего разговора, чем её физическое тело за столиком.

— Том звонил вчера, — говорит она наконец, когда пауза в разговоре становится достаточно длинной, чтобы стать заметной. — Тур официально начался. Они уже в Манчестере, на следующей неделе — Лидс, потом Шеффилд, по-

том что-то похожее на бесконечный список городов, названия которых я запомнила только благодаря географической карте Британии, приклеенной теперь у меня на холодильнике специально для отслеживания его перемещений, будто я слежу за военной операцией, а не за турне комика.

— Как ты держишься? — спрашивает Шейла с той мягкостью, которая появляется у неё исключительно в разговорах, требующих настоящей эмпатии, а не остроумия.

— Странно, — признаётся Моника честно. — Квартира кажется в два раза больше без него, что физически абсурдно, учитывая, что размер квартиры не меняется в зависимости от количества проживающих в ней людей, но эмоционально, кажется, законы физики временно приостановлены. Единственное, что меня держит на плаву, — мысль о Рождестве. О том, что двадцать пятого я, по крайней мере, буду не одна за индюшкой, которую, надеюсь, Шейла не спалит окончательно.

— Спалю максимум частично, — обещает Шейла с той уверенностью, которая почему-то никого за столом не убеждает.

I.5

Поход за подарками я откладываю до последней разумной недели, что превращает субботний день перед Рождеством в тот особый вид городского выживания, который туристические путеводители деликатно называют «атмосферой праздничного шопинга», а любой реальный участник событий —

битвой за территорию, ведущейся в условиях ограниченной видимости из-за количества пакетов в чужих руках.

— Мне нужен подарок для человека, который умеет бить грушу сильнее меня, — бормочу я себе под нос, застряв у витрины спортивного магазина на Оксфорд-стрит в тщетной попытке решить, оскорбит ли Шейлу подарок в виде новых боксёрских бинтов или, наоборот, будет воспринят как высшая форма уважения.

Решение приходит спонтанно и, как выясняется позже, крайне удачно: набор для домашнего маникюра для Моники — «на случай затяжного одиночества в перерывах между городами турне», шучу я про себя, тут же мысленно вычёркивая эту формулировку из списка вещей, которые стоит проносить вслух в присутствии самой Моники, — ежедневник и серьги для Симоны, символизирующий, как я надеюсь, переход от таблиц слежки за коворкингом к чему-то более продуктивному, и упомянутые боксёрские бинты для Шейлы, которые я в итоге всё-таки покупаю, попутно уронив на пол целую полку с гимнастическими гирями с тем оглушительным металлическим грохотом, который заставляет половину магазина обернуться в мою сторону с тем выражением, каким обычно смотрят на человека, только что провалившего тест на элементарную координацию движений.

— Всё в порядке, — заверяю я продавца, поспешно водружая гири обратно на полку в порядке, весьма приблизительно напоминающем изначальный. — Просто демонстри-

рую, почему сама хожу на бокс исключительно в качестве зрителя.

II

Симона проводит первые две недели декабря в состоянии, которое она сама, с той самоиронией, ставшей за год её фирменной защитной реакцией, описывает как «профессиональный сталкинг коворкинга, замаскированный под продуктивность»: она приходит в тот же коворкинг у офиса с той регулярностью, которая ещё месяц назад показалась бы ей абсурдной, — понедельник, среда, иногда пятница, — всякий раз занимая тот же угловой столик у окна, всякий раз с той тщательно скрываемой надеждой, что дверь откроется и внутрь войдёт мужчина с ноутбуком, обклеенным избыточным количеством стикеров.

— Это уже седьмой визит за две недели, — признаётся она мне по телефону в среду вечером с той честностью, которая обычно даётся ей только после длинного рабочего дня, лишаящего сил на привычную защитную браваду. — Я записываю. Веду таблицу. У меня есть таблица, Кейт, отслеживающая частоту моих визитов в коворкинг в надежде случайно столкнуться с иллюстратором, чью фамилию я даже не знаю. Это либо самая нелепая вещь, которую я когда-либо делала, либо самая честная.

— Может, и то, и другое, — говорю я. — Почему просто не написать в группе коворкинга с вопросом, знает ли кто-

то фрилансера по имени Финн?

— Потому что это уже переходит грань очаровательной нелепости в территорию откровенного помешательства, — говорит Симона твёрдо. — Есть разница между «случайно столкнуться семь раз» и «организовать полноценное расследование». Я цепляюсь за первую категорию с последними остатками достоинства.

В пятницу, за неделю до Рождества, когда коворкинг заполнен уже значительно менее плотно, чем обычно, — большинство фрилансеров, судя по всему, уже разъехались по домашним праздничным делам, — Симона, поднимая голову от ноутбука в тот момент, когда звенит колокольчик над входной дверью, наконец видит его: Финн, в тёплой куртке, припорошённый первым, ещё несмелым декабрьским снегом, входит в коворкинг с телефоном у уха, явно погружённый в разговор достаточно важный, чтобы не замечать сразу происходящее вокруг.

Сердце Симоны — по её собственному, позже произнесённому с некоторым смущением описанию — совершает то, что она может назвать только «нелепым, совершенно непрофессиональным скачком», и она, отложив ноутбук с той поспешностью, что едва не опрокидывает чашку кофе на клавиатуру, поднимает руку и машет ему через весь зал с той энергией, которая, признаётся она мне позже, показалась ей в моменте абсолютно уместной, а задним числом — слегка чрезмерной для человека, обменявшегося с собеседником

одним разговором два месяца назад.

Финн, заметив жест, поднимает глаза, узнаёт её — на его лице на секунду мелькает выражение искреннего узнавания, — улыбается, машет рукой в ответ с той же дружелюбной непринуждённостью, с какой обычно машут случайному знакомому через дорогу, — и, не прерывая телефонного разговора, направляется напрямик к дальнему столику, за которым уже сидит другой человек, машущий ему в ответ с той узнаваемостью, которая безошибочно свидетельствует о заранее назначенной встрече.

Симона остаётся сидеть с поднятой рукой на долю секунды дольше, чем требовалось, — жест, зависший в воздухе без адресата, — прежде чем медленно опускает её обратно на стол с тем выражением лица, которое я, увидев фотографию, присланную ею мне тем же вечером в качестве иллюстрации собственного состояния, могу описать только как смесь смущения и растерянности человека, готовившегося к сцене из романтической комедии и получившего вместо неё вежливую сцену из документального фильма про случайных знакомых.

— Он просто прошёл мимо, — говорит она мне вечером, и в голосе её звучит та обескураженность, которая случается, когда реальность решительно отказывается совпадать с заботливо выстроенным сценарием ожидания. — Улыбнулся, помахал, и прошёл прямо к своему столику, где явно была назначена встреча с кем-то другим. Не подошёл поздоро-

ваться. Не спросил, как дела. Просто — прошёл мимо, будто я знакомая из соседнего подъезда, а не человек, из-за которого я семь раз за две недели придумывала предлог поработать не из дома.

— Может, он торопился на встречу, — предполагаю я осторожно, — и планировал подойти после?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.